

Майя БУЛГАКОВА, заслуженная артистка РСФСР

КОГДА ПРИДЕТ ТВОЙ «ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС»...

НЕ ЗНАЮ, откуда такое — «в актрисы»...

Начало где-то далеко, затерялось в том суровом, незабываемом времени, когда была война и мы, девяти-десятилетние, как-то вдруг, сразу повзрослели, стали по-иному воспринимать и явления жизни, и произведения искусства.

А может быть, началось это в семье, в которой я родилась. У нас все пели. Того, кто рождался (нас было четверо у родителей), очень скоро приобщали к песне, к удивительной украинской песне, к ее неповторимым, вольным мелодиям.

Родилась я в небольшом донецком городке Краматорске.

Когда началась война, папа и старший брат Борис ушли на фронт. Они так и не вернулись...

Наша семья эвакуировалась в Иркутск. Там были госпитали, и мы с сестрой ходили к раненым бойцам и пели. На мелодии уже известных довоенных песен сочинялись тексты «ко времени», были частушки, среди которых мне почему-то запомнилась такая:

А как вечером «Катюша»
Свою песню запоет,
То у немцев в пятках — души,
А в окопах — бутерброд.

Мы переписывались с бойцами Красной Армии, готовили и посылали им подарки, а с фронта приходили «треуголь-

ники» — ответы. В них часто оказывались новые, сочиненные на фронте частушки, которые на следующий же день пелись в госпитале. Мое пение нравилось раненым, и такое счастье было услышать в какой-нибудь палате: «Где Булгакова? Она придет?»

Это были очень тяжкие годы, и, пожалуй, именно тогда началось формирование характера, отношения к людям, к труду.

Песни в госпитале были для меня и своеобразной первой проверкой того, слушают ли тебя и как слушают. А может быть, дружные аплодисменты — лишь дань детской непосредственности и старанию?.. Нет, я видела и понимала, я сердцем чувствовала, что шутка, польза. Улыбки тяжелораненых... Никогда не забуду эти лица.

Мы вернулись в Краматорск, и я продолжала учиться. (К слову сказать, в нашей школе учились Леонид Быков, Иосиф Кобзон. В одном классе со мной занимался Леня Пархоменко, сыгравший Рогожину в фильме И. А. Пыррева «Идиот».)

Будучи в девятом классе, я окончила курсы инструкторов-авиамоделлистов с правом руководить авиамоделльными

МАСТЕРА
ИСКУССТВ
О СЕБЕ

кружками. Откуда было знать мне тогда, что именно роль летчицы Надежды Петрухиной в фильме Ларисы Шепитько «Крылья» станет, в сущности, началом моей актерской биографии?

После школы — ВГИК. Поступила я на курс прекрасных педагогов — О. И. Пыжовой и Б. В. Бибикова. Ольга Ивановна и Борис Владимирович работали еще и в национальных студиях ГИТИС имени Луначарского, поэтому тот факт, что читала я на вступительных экзаменах на украинском языке (я ведь училась в украинской школе), нисколько не смутил их. Годы учебы под руководством этих добрейших людей я вспоминаю с большой нежностью и благодарностью. А в свободное от института время я занималась пением в клубе имени Зуева...

И вот с отличием окончен ВГИК. Пятьдесят пятый год. Моими дипломными работами стали Софийка в «Бесталанной» Карпенко-Карого и Проня Прокоповна в пьесе Кропивницкого «За двумя зайцами». После защиты я сразу же попала в картину Г. А. Рошаля «Вольница».

После этого десяти лет я практически не снималась. Ну... три дня в год. Вот

тут и помогли мои занятия пением в клубе имени Зуева. Я стала петь. В 1957 году во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве я стала «серебряным призером» среди исполнительниц вострадной песни. Так как не было работы в кино, я много ездила с концертами, выступая с оркестром Ю. Саульского, в программе Л. Утесова и с другими вострадными коллективами.

А работы в кино не было...

Сейчас я рассказываю обо всем этом с позиций человека счастливого... Актерская судьба складывается как будто неплохо, я много снимаюсь, получаю интересные предложения. А тогда... Одна роль в три года — это казалось счастьем. Впрочем, почему я должна быть счастливой каждый день?.. Так нельзя, иначе не узнаешь, что это — счастье.

Когда я прочитала сценарий В. Ежова и Н. Рязанцевой «Крылья», пошла к режиссеру Л. Шепитько и сказала: «Ты хочешь открыть актрису?» Наверное, в моем вопросе, голосе, глазах было столько силы, отчаяния, желания быть, что мне поверили. Как это важно для актера, когда ему верят! Сколько актерских судеб не сложилось, сколько невидимых трагедий из-за неверия в актера, непонимания!

Бог его знает, из чего складывается успех: творческий процесс не поддается анализу. Одно знаю точно: каждый актер, который хочет жить в своем деле, не должен быть «благополучен». Успокоенность отрицает поиск. И еще. Надо быть всегда «в форме». Это ведь очень тяжелый труд — труд киноактера. Надо быть у камеры каждый день, чтобы не замечать, перестать реагировать на суету, происходящую вокруг: свет, операторы, звукооператоры, монтировщики декораций, гримеры — команды... И когда придет твой «звездный час», ты должен быть свободен. Тогда лишь можно передать свои чувства, волнение, мысль. И тут помощь оказывает друг: школа, актерское воспитание. Можно, конечно, привести много примеров, когда в кинематографе или в театре появлялись и появлялись актеры «милостью божьей». И все-таки школа необходима! Бывает же — «бог» не приходит — или случилось несчастье, горе... Я знаю, один актер играл с переломом ноги; у другого умер отец — а через два-три часа актер играл в комедийном спектакле, да как играл! Это актерские подвиги, о которых почему-то не рассказывают, не пишут.

Но это крайние случаи. А обычные — это когда «нерабочее» настроение. И вот школа — суть защита от такого настроения.

Я бы, наверное, никогда не смогла ответить на вопрос: как вы работаете над ролью?

Меня никогда не волновал возраст женщины, которых я сыграла или буду играть. Лишь бы сердце было в роли, многозначность характера. Вот почему я всегда с радостью вспоминаю о своих работах в фильмах «Крылья» (режиссер Л. Шепитько), «Преступление и наказание» (режиссер Л. Кулиджанов), «В огне брода нет» (режиссер Г. Панфилов), «Скуки ради» (режиссер А. Войтецкий), «Перевод с английского» (режиссер Н. Селезнева) и других.

Не знаю, откуда такое — «в актрисы». Но тому, что делаю, чему отдаю себя до конца, всегда буду говорить неустанно и преданно: люблю!